

Х. Ч. А л и ш и н а

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА СИБИРСКИХ ТАТАР

Древнейшая история юга Тюменской обл. во многом еще остается загадкой для ученых. В последние несколько десятилетий появился ряд работ, проливающих свет на определенные пробелы в области этнографии, языка сибирских татар¹, защищены кандидатские и докторские диссертации на эту тему².

В настоящей работе использованы материалы полевых исследований по топонимии, проведенных автором в 1982—1989 гг. в Тюменском*, Вагайском, Исетском, Ярковском, Тобольском районах Тюменской обл., а также архивные источники Государственного Архива Тюменской обл. и Тобольского Филиала ГАТО, в которых содержатся данные по топонимии, антропонимии, этнонимии сибирских татар.

В. В. Радлов, А. А. Куник сформулировали принцип, в соответствии с которым этнография, прежде всего историческая, «должна основываться на лингвистических началах». При исследовании этногенеза современных народов большинство ученых опираются на этот принцип. Так, В. Ф. Генинг, анализируя вопрос о соотношении археологической, лингвистической и этнической классификаций, приходит к выводу, что «древнейшим этническим состоянием была так называемая этноязыковая непрерывность, а не единый пранарод»³. Современные языки представляют собой, как и этнос в целом, продукт длительного исторического развития, в процессе которого происходило и смещение родственных и неродственных диалектов, и усвоение одного языка другими, иноязычными группами населения, и воздействие разных языков друг на друга. По-видимому, в процессе дифференциации языков ассимиляция играла весьма существенную роль.

Данные ономастики при строго научном подходе относятся к числу важных и надежных источников для установления этнического состава населения в древности и для выяснения его движения. Топонимы во многих случаях являются единственными дошедшими до нас языковыми фактами, характерными для древнейшего населения данной территории.

А. П. Дульзон считал, что сохранение старых названий на территории возможно только при условии, что старое население целиком или в значительной своей части остается на этой своей старой территории, обеспечивая тем самым преемственность в передаче топономастики, хотя бы оно само (население) и претерпело полную этнографическую трансформацию и в том числе полную смену языка⁴.

Западная Сибирь освоена человеком в незапамятные времена. Она являлась местом проживания древнейших племен охотников и рыболовов, по ней прокатывались бурные волны миграций и переселений, военных столкновений и побоищ, кочевков и караванных дорог. Эта местность была ареной многих исторических событий, что и наложило отпечаток на современную географическую карту Тюменской обл.

Исследуя этническую историю Западного Приуралья, В. Ф. Генинг подверг критике гипотезу о приходе в Прикамье угорских племен на рубеже нашей эры из-за ее слабой аргументированности и поставил вопрос о древних палеосибирских группах населения⁵. По его мнению, этническая принадлежность

* В статье даются следующие сокращения. Аб.—Абатский, Ар.—Аромашевский, Вг.—Вагайский, Вк.—Викуловский, З—Ук.—Заводоуковский, Ис.—Исетский, Иш.—Ишимский, Н-Тд.—Нижне-Тавдинский, Тб.—Тобольский, Тм.—Тюменский, Ув.—Уватский, Юр.—Юргинский, Ял.—Ялуторовский, Яр.—Ярковский, Тг.—Тугулымский район Свердловской области.

отдельных групп была различна. Но он не сомневался в том, что эти группы были сибирского угро-самодийского происхождения.

Для районов же исторического проживания древних самодийцев обычны названия рек и речек с окончаниями *-ка, -га, -джа*, представляющими собой русскую переделку (морфологизацию) селькупских слов *кы, ке, гы, ге* (река) или *кыкке, кеге* (речка)⁶. В сибирско-татарском языке эти слова звучат без изменений. На юге Тюменской обл. в местах древнейшего проживания сибирских татар имеется ряд гидронимов с подобными исходами: речки Цыньга, Айга, Карга (Тм.), Юрга (Юр.), Эске (Н-Тд.), Большая Синьга, Каньга (Ял.), озера Айга, Мыйагы (Тм.), Цагы, Йыгы (Вг.), Мытка, Айгы, Вацыгы, Увангы, (Яр.). Названия населенных пунктов: деревни Юрга (Аб.), Мэтка (офиц. юрты Митькинские, Вг.), Иска (офиц. д. Иска), Эскэ (офиц. юрты Искинские), Иска (офиц. д. Чебакова) Н-Тд, Варыпки (офиц. юрты Варапкины, Тб.), Носка (офиц. д. Носкинская, Тб.), Чебурга (офиц. д. Чебурга, Тб.), Кулига (Тм.), Синьга (Юр.), Каньга (Ял.), Вангкы (офиц. д. Ново-Нерда), Иска (офиц. д. Иска, Яр.).

Гидронимы с конечными компонентами *-чу, -бу* (в русской адаптации *-ча, -ба*, в сибирско-татарской *-ша, -шы, -шу, -ца, -цы, -цо, -ба, -бы, -бу, -па, -пы, -пу*) А. П. Дульзон относил к южно-самодийским (камасинцы, койбалы, маторы, сойоты, тайгинцы). В исследуемом регионе сохранились такие типы названий: озера Кайши, Какшы, Куйшу, Кыйша, Укша (Вг.), рч. Чакча, оз. Шыкца, д. Шыкца (офиц. д. Чикча), болото Цакцы-баш (Тм), оз. Торцо, Корцо (Яр.), о-в Люцю, оз. Кумцо (Ял.), д. Шамша (Тб.).

Топонимы с исходом на *-ба, -бы*, видимо, в ряде случаев под влиянием местных языковых норм приобрели форманты *-ма, -мы, -мэ*: р. Айба (Тг.), озера Умбы, Явызбы, Ярба, Кыртыма, речки Пышма, Тюма (Тм.), оз. Урлама (Ял.); д. Уткарма (Ар.), д. Тамакуль (Вк.), д. Ялба (Ув.), д. Талмы (офиц. д. Есаул, Тм) озера Пайма, Павмы, Эмэ (Вг.), рч. Сармы, оз. Тымы (Яр.).

Топонимы с финалией *-да, -до* восходят к селькупскому *то, ту-* (озеро) или кетскому *де'* — (озеро)⁷. Таковы в Тюменской области названия рек Конда, Тавда, Балда, Нерда, Купланда, озер Имта, Талтэ, Тайтэ (Вг.), Варту, Раута, Енты, Сунту, Тарты, Талты, Шта (Тм.), Равда, Ярты-баш (на карте XIX в.— Ярро—то) (Ял.), деревень Кюкрянте (офиц. д. Чебур-га, Тб.), Олы Палты (офиц. д. Костылево), Кече Палты (офиц. д. Мичурино, Тм.), Рауты (офиц. д. Ревда, Ял.).

В корпусе гидронимов в местах проживания сибирских татар в небольшом количестве встречаются палеоазиатские или «енисейско-кетские»⁸ варианты общего названия реки: *ч'ет* — коттское, *тет* — пумпокольское, *сет* — аринское, *ш'еш* — енисейско-кетское, *уль* — ассанское. В качестве общего названия реки слово «тат» употребляли также чулымские тюрки, живущие по Енисею⁹. В В. Радлов называл этих тюрков «остяками»¹⁰, а Н. М. Ядринцев писал о них: «Эта группа татар имела родство и происхождение не из Алтая, а выдвигалась семьей от саянских и енисейских тюрков, будучи родственна с кызыльцами и качинскими татарами»¹¹. Приведем примеры: рч. Шеш-тамак, рч. Араксул (Вг.), оз. Урчит-куль (Вг.), оз. Тат (Яр.), с. Сетово (Тб.), оз. Есауль (Тм.), рч. Карасулька (Иш.), рч. Коктюлька (Ял.).

Естественно, при освоении субстратных топонимов сибирскими татарами, а позже русским населением происходила замена непривычных звуков чужого языка похожими своими, выпадение звуков чужого языка, трудных для произношения, более удобная перестановка звуков, переосмысление незнакомого слова и другие изменения. Названия водных объектов, гидронимы, древнее всех остальных топонимов. Для осмысления топонимической характеристики региона очень важно изучение, в первую очередь гидронимов, их формантов, ареала их распространения. Крыло топоформантов на *-ка, -га, -кы, -гы, -ча, -ба, -та, -да, -то* и др., характерное для палеосибирского населения бассейнов рек Енисей, Томь, Чулым, простирается с востока на запад. Возможно, к этому комплексу надо присовокупить названия неизвестного происхождения на *-ра, -ру, -ры*: оз. Ембру (Тм.), оз.

Папры, д. Инжура, д. Шабры (Вг.), оз. Цакра, оз. Вакра (Яр.), д. Бишура, д. Супра (Тб.), д. Каскара (Тм.), д. Шадры (З—Ук.), оз. Б. Индра (Н-Тд.) и др.

Массовое продвижение тюрков в Сибирь из Центральной Азии ученые относят к V—VII векам н. э. Языковые данные позволяют предположить, что современная территория расселения сибирских татар была занята конгломератом племен древних тюрков времен орхоно-енисейских и таласских надписей. В частности, язык сибирских татар с языком орхоно-енисейских тюрков сближает такая яркая черта, как абсолютно глухое начало, середина и конец слова.

В текстах орхоно-енисейских памятников 712—759 гг. фигурируют титулы *кюлюг*, *тегин*, *кан*, *бага*, *гур*. Рассмотрим их значения: *кюлюг* — 1) славный, знаменитый, 2) имя собственное, 3) титул¹²; *тегин* — титул, присоединяемый к именам младших членов ханской семьи, принц¹³, *кан* — хан, правитель, повелитель, предводитель¹⁴, *бага* — титул¹⁵, *гур* — положение, чин, достоинство, ранг¹⁶. Титулатура древнетюркской знати отразилась в сибирско-татарской ономастике: аул Колок (офиц. д. Кулики, Ял.), Кан аул (офиц. д. Араповская, Тб.), Канчатур (офиц. д. Конченбург, Н-Тд.), Талмыган (офиц. д. Янтык) (Тм.), оз. Тегенское, юрты Тегенские (бывшие) (Тм). Лексемы *гур* и *бага* в XVII—XVIII вв. были любимы в народе и присоединялись к мужским личным именам: Енгур, Суергур, Енбага, Назарбага, Аптыбага, Суючбага, Маметбага, Ниятбага и т. д.¹⁷

В основе расселения сибирских татар лежал, как известно, родоплеменной признак. Это признавали все исследователи: В. В. Радлов, С. В. Бахрушин, Н. А. Томилов, А. П. Дульзон, Д. Г. Тумашева и другие. Изучив диалекты и говоры чувлымских тюрков, А. П. Дульзон, например, отметил, что границы всех семи говоров совпадают с границами семи «инородческих волостей» XVII в.¹⁸

Разнообразны названия населенных пунктов на юге области. Подавляющее большинство татарских аулов имеет два имени, а некоторые, по архивным документам, даже три: Ишменевские — Урманская — Нисша, Кошуковские — Варапкины — Ахтиатские, Марис — Тонковолошные — Носкинский выселок, Сабанаковские-Носовские — Мурза-Иртышак, Каинбулинские — Мало-Берестяньские — Тюлюганские, Няю — Суковские — Мало-Супринские, Черторойские — Цумык — Новоуфимские, Мало-Есаульские — Тальнички — Уба-аул, Б. Есаульские — Кантаурим-аул — Уразметовские, Зимний Сингуль — Корсаковские — Яр, Средне-Тарманские — Сас — Эскель. Города: Чинги — Тюмень — Тора, Себер — Кашлык — Искер (бывший).

Из других тюркских языков подобное положение существует в чувашской ойконимии: Куснар — Байгулово — Богоявленские, Шенерпус — Бичурино — Воскресенское, Ватнер — Решетниково, Тупах — Тансарино и т. д. По мнению чувашских ученых, три названия — это отложения трех периодов исторической жизни народа: добулгарского или булгарского, периода Казанского ханства и русского периода¹⁹.

Названия волостей и деревень у сибирских татар большей частью являются родовыми и племенными²⁰. Наши наблюдения подтверждают эту мысль В. В. Радлова. Названия многих населенных пунктов аналогичны названиям племен, приведенным в «Этнографических обзорах» В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, в других источниках²¹.

В формировании западно-сибирских татар, видимо, принимали участие древние тюркские племена: каш (Кашаул, офиц. д. Аслана, Ял.), сагай (д. Сагай, Тм.), кызыльцы (более десяти ойконимов с компонентом «кызыл»), асан (оз. Асан, Вг.), карга (д. Каргалы, Вк.), аба (д. Абаул, Тб.), байгара (д. Байгара, Тб.), тогус (д. Тукуз, Вг.), йалан (д. Елань, Тм., д. Елань, Вг., д. Елань—Яр, Вг., д. Елань — Н-Тд.), меркут (с. Беркут, Ял.), тумат (юрты Томатские или д. Сакандыково, Яр.), ак-коль (Ак-куль, офиц. д. Дулепино, Яр.), кала (Кала, офиц. д. Тарханы, Яр.), салаир (с. Салаирка, Тм.), кираит (Кираит, офиц. д. Нижние Тарманы, Н-Тд.), тагап (рч. Тагаб, Вг.), элянг (д. Элянг, Н-Тд.).

Касаюсь вопроса о происхождении иртышских татар, В. В. Радлов подчеркивал, что они — близкие родственники алтайских телеутов²². Раньше на карте области

было несколько этнопонимов с основой «калмак», а калмаки — это потомки телеутов. Сейчас два населенных пункта носят упомянутое имя: с. Калмакское (Ар.) и аул Калмаклылар (офиц. д. Авазбакеево, Ял.). Информаторы из аула Акъяр (Тм.) рассказывали, что их предки происходят из рода калмак. По этнографической классификации Н. А. Томилова восточно-сибирские калмаки и сегодня являются составной частью сибирских татар²³.

«Яуштинцы были отмечены в 1526 г. С. Герберштейном. Об их прежних местах жительства нет точных данных»²⁵. Возможно, часть их проживала раньше в бассейне р. Вагай. В с. Казанка (Вг.) нами зафиксирован род «Ошто», а в ауле Аусак (офиц. юрты Осиновские, Вг.) — Йыш (ср. самоназвание тубаларов — йышкижи. Йыш — горная тайга, кижы — человек).

Итак, многочисленные параллели в микроэтнонимике вновь уводят на восток. Видимо, распространенные среди качинцев и кызыльцев (сейчас — хакасы) предания об их прежней жизни по рекам Ишиму и Тоболу, имеют под собой историческую основу. Эти и другие факты позволяют утверждать, что этническими предшественниками современных сибирских татар в основном были древние тюркские племена.

Этнотерриториальные группы западно-сибирских тюрков в средние века контактировали с кыпчакскими племенами²⁵. А центр формирования и этнической консолидации кыпчаков, по мнению В. В. Бартольда, находился на Иртыше²⁶.

В качестве самостоятельного этнокультурного образования тюрки—кыпчаки впервые упоминаются в середине VIII в. на стеле в память Моюн-чура как политические противники древнетюркских (тюркютских) племен, а в конце IX—X вв. арабо-персидские авторы перечисляют кыпчаков среди основных этнополитических образований: кимаков, огузов и печенегов, расселявшихся в восточной части евразийских степей²⁷.

Новейшие археологические исследования кыпчакских курганов позволили определить их этническую принадлежность. В кыпчакский этнополитический союз входили многие племена: кимаки (йемеки, имаки), ими (эймюр), кыпчаки (шары, ильбари), югуры, кидани (куны), печенеги, йета, котян, юрматы, тамьян, и др.²⁸. Удельный вес кыпчаков в том или ином объединении мог изменяться, но кыпчаки никогда не растворялись среди других этнических групп.

Кыпчакский пласт имен прослеживается в антропонимии, ойконимии, микроэтнонимии сибирских татар.

Реестр сибирско-татарских антропонимов, к сожалению, не изучался и не включался лингвистами в научный оборот. Взяв за основу «Ревизские сказки» 1795 г. юрт Тарханских, Лабутиных, Киндерских, Красноярских, Сагандыковских, Утяшевских, Матмасовских, Канчабурских Калымской волости, юрт Чечкинских, Тарханских, Боровских Кречетинской волости Тобольской губернии²⁹, мы составили именной, имеющий в ассортименте 400 мужских имен, языческих и мусульманских.

До принятия ислама в практике имянаречения младенцев существовал обычай давать имена, связанные с названиями животных. В XVIII в. сибирские татары давали такие имена: Кубяк — крупная собака, Дулеп — породистая собака, Кучук — маленькая собака, Бугай — бык, Курас — петух. В наши дни эта кыпчакская традиция отжила. Зато она великолепно сохранилась в прозвищах жителей селений. Эти микроэтнонимы, как и антропонимы, являются источником, неоценимым для исторической этнографии. Многие роды, зафиксированные нами в экспедициях, носят названия животных, птиц, насекомых: *айулар* (медведи) — д. Куртюганы, д. Матуши, д. Тарханы (Яр.), *пюреляр* (волки) — д. Юртобор, Матуши, Тарханы (Яр.), *бурсык* (барсук) — д. Тарханы (Яр.), *кабаннар* (кабаны) — д. Ембаево (Тм.), *угезляр* (быки) — д. Казанка (Вг.), *куцкарлар* (бараны) — д. Матуши (Яр.), *мешяк* (кошка) — д. Б. Акияр (Тм.), *ачтагы* (дракон) — д. Карбаны (Яр.), *уртяк* (утка) — д. Матуши (Яр.), *кураслар* (петухи) — д. Янтык (Тм.), *косконнар* (ворон) — с. Тукуз (Вг.), д. Юртобор (Яр.), *карга* (ворона) — д. В. Ингал, Ис., *цаука* (галка) — д. Тукуз (Вг.), *саускан* (сорока) — д. Б. Акияры (Тм.), *цигер-*

тка (кузнечик) — д. Янтык (Тм.), *кымрыска* (муравей) — д. Матуши (Яр.), *тараган* (таракан) — д. Б. Акияры (Тм.).

В прошлом у многих тюркских народов для названия родоплеменного объединения употреблялось собственное имя человека, и, наоборот, человеку присваивалось имя — название рода. Так, по версии Н. А. Баскакова, собственное мужское имя потомка Чингис-хана Татара ему было дано по названию племени татар, известного из орхоно-енисейских надписей. Позже оно стало этнонимом татарского народа. Собственные имена Узбек и Ногай также стали этнонимами узбекского и ногайского народов³⁰.

К аналогичным именам, отражающим, на наш взгляд, названия кыпчакских племен, мы склонны отнести сохранившиеся в архивных источниках имена: Енейне, Еми, Мряс, Тлев, Томет, Миас, Есен, Уваки, Уран(гул), а также имена из «Краткой сибирской летописи»: Саргачик-царь, Печенег-княжец, Саускан-царь³¹.

Ясно, что этнолингвистическая карта региона в прошлом включала несколько десятков этнических общностей. Нет ни одного народа, который представлял бы этническое единство по своему происхождению. На смешанный характер сибирских татар указывали многие ученые: историки, лингвисты, этнографы, антропологи. Так, например, Т. А. Трофимова в статье «Тобольские и барабинские татары» говорила о «несомненном смешении между татарами, остяками и вогулами»³².

Вопрос об удельном весе угорских элементов является наиболее трудным. В то же время нет оснований отрицать возможность и вероятность участия на ранних этапах этногенеза сибирских татар древнего угро-мадьярского компонента. «Лесостепные угры VI—VIII вв., воспринявшие в южных районах элементы культуры тюркских племен, оставили свои следы в Восточном Казахстане, в Павлодарском Прииртышье, а также в районе Тюмени, где лесостепное население сосуществовало с лесным. Есть основание полагать, что угры лесостепей Западной Сибири относились к древним мадьярам»³³.

В нашем именнике достаточно большое место занимают антропонимы с конечным элементом *-ш*. Фонетическая структура имен, особенно финалия *-ш*, на наш взгляд, отражает угорско-мадьярский элемент в составе сибирских татар. В XVIII в. — были распространены следующие имена на *-ш*: Абыш, Айтыш, Аникаш, Аныш, Атигаш, Бабыш, Багыш, Балташ, Бараш, Батлаш, Бикташ, Булташ, Бугаш, Бураш, Буташ, Бутеш, Емаш, Имаш, Калыш, Кукташ, Кулаш, Кунаш, Мугаш, Мулаш, Мулташ, Мурташ, Ниташ, Пигах, Раш, Тлеш, Тамрыш, Танрыш, Татыш, Телеш, Тунеш, Тураш, Туруш, Утяш, Юмаш. В материалах XIX в. данный тип имен встречается значительно реже: Бараш, Ваш, Куташ, Рамаш, Юмаш.

В архивных актах XIX в. упоминаются юрты Матиаровские, находившиеся рядом с Тюменью (сейчас эта территория вошла в черту города). Название могло произойти от имени человека Мухаметьяр, Матьяр. Но не исключено, что в его основе лежит этноним «Мадьяр», т. е. село названо по племени.

В сентябре 1990 г. в венгерском г. Дебрецен проходил VII Международный конгресс финно-угроведов. Во время экскурсии в краеведческий музей я обратила внимание на один экспонат. Это была древняя борона: роскошная, пышная, двухметровой ширины, из больших березовых веток, похожая на гигантскую широкую метлу. Удивительно, в такой почти безлесной стране — борона из веток! В настоящее время почти все тюркские народы называют современную железную борону «тырма» от слова «царапать». Казанские татары — *тырма*, казахи — *тырма*, узбеки — *тирма*, якуты — *тарах*, карачаевцы — *тырнау*, балкарцы — *тырнау*, турки — *тырмак* и т. д. У сибирских татар борона называется *себертке* — «метла, веник из березовых веток». Определенно, между венгерским музейным экспонатом и сибирско-татарским обозначением этого орудия труда существует этнографическая взаимосвязь.

При сравнении нашего небольшого именника с десяти тысячным собранием чувашских языческих имен В. К. Магницкого, 25% сибирско-татарских имен

буква в букву совпали с именами чувашей³⁴. И этот факт говорит в пользу угро-мадьярской гипотезы.

Кроме названных параллелей в антропонимическом корпусе обнаруживается значительное количество имен, свидетельствующих о взаимодействии с другими тюркскими народами — с так называемыми сартами (узбеки, таджики), с казахами, ногайцами, башкирами, поволжскими татарами и др.

Рассмотренный материал по ономастике сибирских татар отражает сложные процессы широких этнических, лингвистических контактов на территории Тоболо-Иртышья и убеждает в необходимости его дальнейшего сбора, изучения, обобщения и введения в научный оборот.

Примечания

¹ Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963; Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. Казань, 1980; Валеев Б. Ф. О топонимии сибирских татар // Сов. тюркология. 1989. № 2. С. 50—58; Исхакова С. М. Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке западносибирских татар // Сов. тюркология. 1973. № 6. С. 36—39; Исхакова С. М., Валеев Ф. Т. Таджикский компонент в народно-разговорном языке западно-сибирских татар // Сов. тюркология. 1978. № 4. С. 31—39; Томилов Н. А. Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар. М., 1972; *его же*. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978; *его же*. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв. Омск, 1981; *его же*. Этнические контакты угров и тюрков Западно-Сибирской равнины в XVI — начале XX вв. // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 278—280; Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968; *ее же*. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977; *ее же*. Этнические связи западно-сибирских татар // Сов. тюркология. 1987. № 2. С. 38—51 и др.

² По языку сибирских татар кандидатские и докторские диссертации защитили Ахатов Г. Х., Исхакова С. М., Тумашева Д. Г.; по этнографии — Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.

³ Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. С. 123.

⁴ Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Уч. зап. ТГПИ. Т. VI. Томск, 1950. с. 185.

⁵ Генинг В. Ф. Указ. раб., С. 15.

⁶ Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // Вопр. языкознания. 1959. № 4. С. 39.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Дульзон А. П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1972. С. 201.

¹⁰ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи. Т. 2. СПб., 1868.

¹¹ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы. СПб., 1891. С. 43—44.

¹² Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 326.

¹³ Там же. С. 547.

¹⁴ Там же. С. 417.

¹⁵ Там же. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 467.

¹⁷ Государственный архив Тобольской области (далее — ГАТО). Ф. 154. Оп. 8. Д. 121. Л. 26. Ревизская сказка Калымской татарской ясашной волости 1816 г., ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 8 на 389 л. Ревизские сказки Тобольской губернии и округа, Уватской инородной волости юрт Тукусских и др.

¹⁸ Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Сов. тюркология. 1973. № 2. С. 17.

¹⁹ Егоров Н. И. Современный чувашский язык. Чебоксары, 1973. С. 15.

²⁰ Радлов В. В. По Сибири. М., 1989. С. 241.

²¹ Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929; Катанов Н. Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.

²² Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи. Т. 4. СПб., 1872.

²³ Томилов Н. А. Этнические контакты угров и тюрков... С. 279.

²⁴ Дульзон А. П. Этнолингвистическая дифференциация... С. 206.

²⁵ Тумашева Д. Г. Этнические связи западно-сибирских татар... С. 43.

²⁶ Бартольд В. В. Новый труд о половцах. Соч., Т. 5. М., 1968. С. 400.

²⁷ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.), М., 1988. С. 48.

²⁸ Там же. С. 80.

²⁹ ГАТО, ф. 154. Оп. 8. Д. 121. Л. 26.

³⁰ Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 50.

³¹ Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб., 1880.

³² Трофимова Т. А. Тобольские и барабинские татары // Тр. ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. С. 200.

³³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л., 1968. С. 304.

³⁴ Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

Siberian Tatars Ethnogenesis (inference from onomastical data)

The last decades witnessed a series of new publications on ethnography and linguistics of the Siberian Tatars. The author, basing on fieldwork data collected in 1982—1989 in the south of Tiumen' region, as well as on archival sources, reconstructs complex ethnic history of the Siberian Tatars, documenting on the basis of toponymic and anthroponymic data the contribution of Finno—Ugric and Samodean, as well as diverse Turkic populations (Khakass, Teleut etc.) to the Siberian Tatars.

Kh. Ch. Alishina

© 1994 г., ЭО, № 3

Н. Ф. М о к ш и н

ИЗ ИСТОРИИ МОРДОВСКО-ТЮРКСКИХ СВЯЗЕЙ

В исторической науке долго бытовало мнение, будто мордва, огражденная от остального мира дремучими лесами, в прошлом мало вступала в контакты с другими народами, особенно восточными и южными соседями. «Много столетий, — говорится, например, в предисловии к «Древностям мордовского народа» (Саранск, 1941) — одаренный и трудолюбивый мордовский народ держался в глуши своих лесов, загораживаясь ими от постоянно грозивших со стороны степей опасностей: набегов кочевников, пожаров, ограблений и увоза в рабство»¹.

Изучение археологических, антропологических, этнографических, исторических и других материалов показывает, что мордовский этнос как при формировании, так и в процессе дальнейшей своей истории находился в генетических и культурных связях с другими этносами, и его оригинальная культура аккумулировала компоненты ряда других культур, творчески перерабатывая их. Из этих связей наиболее длительными и тесными были связи мордвы, с одной стороны, со славянскими, а с другой — с тюркскими народами.

Контакты мордвы с восточными славянами, судя по археологическим данным, начались в области среднего течения Оки в середине I тысячелетия н. э. В VIII—IX вв. они усилились, а в X в. здесь происходила массовая колонизация славянами (в основном вятичами) мордовских земель, шедшая, по свидетельству археологов в густо населенный край с хорошо вооруженным народом. Одной из наиболее существенных причин продвижения сюда славянского населения было вытеснение его кочевниками из южных областей, прежде всего Подонья².

Первые контакты мордовских племен с тюркскими некоторые археологи датируют VI—VII вв., но более интенсивными они становятся в период существования Волжской Булгарии — первого раннефеодального государственного образования в Волго-Камье, возникшего на рубеже IX—X вв.³ Передвижение тюркоязычных булгар на север захватило довольно широкую полосу левого и правого